

(1) Я вырос в семье, где господствовал рациональный аскетизм: посуда – это то, из чего едят и пьют, мебель – на чем сидят или спят, одежда – для тепла и ни для чего более. (2) Любимым присловьем моего отца было: «Важно не то, из чего пьёшь, а то – с кем пьёшь». (3) Из этого вовсе не следует, что отец, как говорится, «закладывал за воротник». (4) Глагол «пить» подразумевал для него существительное «чай». (5) Особенно хорошо, если с мамиными пирогами, но пироги случались нечасто.

(6) Принцип рационального аскетизма предполагает наличие необходимого и отсутствие того, без чего спокойно можно обойтись. (7) Правда, одно «излишество» у нас всё же было – книги.

(8) Отца часто переводили с места на место, и мы привыкли собираться. (9) Все переезды, как правило, совершались внезапно, громом среди ясного неба. (10) Отец приходил со службы, как обычно, и не с порога, не вдруг, а сняв сапоги, ремни и оружие, умывшись и сев за стол, припоминал, точно мимоходом: «Да, меня переводят, выезжаем завтра». (11) И начинались сборы, лишённые лихорадочной суеты, потому что каждый знал, что делать. (12) Мне, например, полагалось укладывать книги. (13) Возникла эта особая ответственность, когда я был ещё маленьким, но и тогда никто не проверял моей работы: родители считали, что недоверие унижает человеческую личность. (14) Это я теперь понял, что они так считали, а тогда, кряхтя и сопя (фолианты встречались!), я осторожно снимал книги с полок, волок их к ящикам и старательно укладывал ряд за рядом. (15) И дело даже не в том, что мне доверяли упаковывать единственную ценность не только нашей семьи, но и вообще всего человечества, как я тогда сообразил. (16) Дело в том, что я физически, до пота и ломоты в неокрепших мускулах ощущал эту великую ценность. (17) Так, по детскому, первому, а следовательно, и самому прочному опыту я узнал, сколь весом (и в прямом смысле, и в переносном) человеческий труд, завещанный людям на века. (18) И, становясь перед книгами на колени (иначе ведь их не упакуешь), я ещё бессознательно, ещё толком не понимая, но уже чувствуя, становился на колени перед светлыми гениями разных времён и народов.

(19) Кажется, я так и остался стоять на коленях перед Литературой.

(По Б.Л. Васильеву)